

*смотри, чтобы не растопился, и делай сие семь раз...»; «...возьми два фунта длинного пальца... истолки и смешай с порошком, вынутым из-под треножника, и сублимируй вместе столь часто, чтобы длинный палец сделался постоянным...» (Голланд, 1787, с. 6). «Не кажется ли вам, что вы имеете здесь дело с какими-то заговорщиками,— пишет Н. А. Морозов,— тайно поджаривающими коронованных особ...?» (1909, с. 98). Между тем это лишь символы, утратившие вещественность олицетворяемых ими предметов: *король* — селитра, а большой, средний, *палец* — нашатырь. По сравнению с трактатами *Р. Бэкона* это отход от классической рецептурности в алхимии. Дело здесь не столько в наличии символов, сколько в неорганичности их введения.*

КОНЕЦ алхимического мышления может быть — в порядке возможного предположения — рассмотрен и с точки зрения познавательно-практических неудач алхимической деятельности. Познавательный успех алхимии, возраставший список неоправдавшихся надежд, казалось бы, лишали мышление уверенности в себе, сковывали символическую эффективность алхимии, смняя ее функцию с интегративной на деструктивную. Тогда-то, оставаясь бытовать в качестве функционального пережитка, она способствовала интенсивному размыванию форм этого мышления, травмировала его. Тогда «предвозрожденческое» мышление с его вольными гипотезами окажется зависимым лишь от крушения алхимических, практического свойства, рецептурных предписаний. А явление алхимии на западном средневековом горизонте и ее закат жестко свяжутся с голым практическим интересом. Приходится признать такую интерпретацию внешней, не вытекающей из природы преобразующегося средневекового мышления. Лишить алхимию статуса *герметического искусства, герметической философии* значит обеднить это уникальное явление; значит не понять и ее практические, мирские устремления. Ведь даже сама алхимическая неудача — неполучение золота, например,— могла быть осмыслена как фатальная неудача только новым сознанием. И опять-таки — тысяча лет ежеминутных неудач. Не слишком ли большой срок, если цель — всего лишь практическое обогащение?!

Размывается рецептурная определенность. Складывается новый тип личности, мышлящей уже не авторитарно и не иерархично, а значит, и не рецептурно.

Последовательная смена целей, понятых как средства, более не нужна. Нет необходимости и расчислять магическими приемами путь от человека к богу. Не потому ли пропадает священнодейственная функция рецепта? Остается только реальная его природа. А это уже не специфично ни для средневековья, ни для алхимии. Формируется личность, в которой каждый раз прорываются наружу возможности к ежеминутному ее самоизменению. При этом бог — не самое лучшее *alter ego* человека Возрождения. Человек Возрождения хорош и так. Собор, коллективный субъект рассыпаются. Остаются индивиды-личности. Все разные. Они